

УДК 81'16

ЭГОЦЕНТРИЗМ КАК КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРОНОМИНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ В ЯЗЫКЕ

М.А. Атакулова, К.З. Зулпукаров

Определяются универсальные семантические свойства местоименных лексем в языке. Проводится мысль о том, что эгоцентризм есть категориальное значение всех прономинативов языка, чем местоимения отличаются от слов других частей речи. Доказывается, что прономинативы обладают собственной грамматической природой, а не только эксплицируют категориальные значения других частей речи.

Ключевые слова: местоимение (прономинатив); категориальное значение местоимений; эгоцентрическое поле в языке; частеречные свойства местоимений.

EGOCENTRISM AS THE CATEGORICAL VALUE OF THE PRONOMINAL PARADIGM IN LANGUAGE

M.A. Atakulova, K.Z. Zulpukarov

The article defines universal semantic properties of pronominal tokens in the language. It is suggested that egocentrism is the categorical meaning of all language pronunciations, than pronouns differ from words of other parts of speech. It is proved that pronominals have their own grammatical nature, and not only explicate the categorical meanings of other parts of speech.

Keywords: pronoun (pronomative); categorical meaning of pronouns; egocentric field in language; partial proneness of pronouns.

В европейском языкознании утвердилось понятие прономинатива. Это понятие имеет обобщенное содержание и включает в себя обширный и неоднородный класс языковых единиц. Термин прономинатив используется как синтезирующее наименование местоименных корней, аффиксов, слов, фразеологизированных и других синтагматических образований. Говоря о прономинативах, мы подразумеваем под ними совершенно разноструктурные, равнообъемные и разнородные единицы языка с эгоцентрической семантикой [1, с. 62–108].

В данном случае речь не идет о местоимении как части речи. Частеречный характер местоименных слов в различных языках никогда не вызывал сомнения, потому что они всегда определяются как часть речи по “школьному” стандарту. Местоимения в морфологии причисляются к именным частям речи. Такова традиция, восходящая к нормативным грамматикам русского языка и перенятая киргизским языкознанием.

В лингвистической литературе отмечается обособленность местоименных слов языка в противоположность всем неместоименным.

Неместоименные слова называются **номинативными или качественными**, а местоименные – **дейктическими или указательными**. Такое деление слов на два больших класса восходит к исследованиям представителей немецкой классической лингвистики (Г. Штейнталь, К. Бругман, К. Бюлер и др.) и встречается в трудах лингвистов, представляющих другие течения в языкознании (А.И. Зарецкий, Е.Н. Сидоренко, М. Шелякин и др.) [1, с. 80; 2, с. 79–83; 3, с. 28; 4, с. 9].

В ряде случаев местоимения называются означающими словами в противовес именуемым и другим категориям слов. Например, Н.Ю. Шведова различает в русском языке четыре общих класса слов: 1) слова означающие (местоимения); 2) слова именуемые (имена, глаголы, наречия и предикативы); 3) слова связующие (предлоги, союзы) и 4) слова собственно квалифицирующие (частицы, модальные слова, междометия). Такая позиция исследования основана на функциональном принципе. “Формально, – пишет она, – местоимения распределены между именами, наречиями и предикативами” [5, с. 7]. В позиции Шведовой многое не ясно. Есть противоречия.

Исстари известно, что означающее свойственно всем лексемам. В каждом знаменательном и даже незнаменательном слове означающее – смысл, значение, соотносительность с предметами и явлениями реального мира. Любое слово представляет единство означаемого и означающего. Не только местоимения суть означающие слова. Каждое субстантивное слово что-то обозначает, соотносясь с предметным миром, с его элементами, “фрагментами”, частями и проявлениями. Нам представляется, что местоимения тоже выполняют связующую функцию (не только союзы и предлоги). Это общеизвестный факт, если только Шведова не вкладывает в понятие связующей функции несколько иной смысл.

Известна традиция, восходящая к трудам Г. Суита, Г. Кэрма, Л. Блумфилда, Л. Теньера и др., согласно которой местоименные слова используются для **связи частей предложения и текста** [6, с. 28]. Такое понимание одной из важнейших функций местоимений характерно и для русского языкознания. Известно, что местоимения входят в состав целого класса русских союзных слов, участвующих в образовании сложноподчиненных предложений: по мере того как, в связи с тем, что, по причине того, что, ввиду того что, в результате того что и т. д. В подобных случаях местоимения имеют двойственную природу. С одной стороны, интерпозитивные указательные прономинативы связывают предложно-субстантивные образования (*по мере, в связи* и т. п.) с последующими местоимениями (*как, что* и т. п.). С другой стороны, эти указательные местоимения в комбинации с теми и другими служат для связи частей сложноподчиненного предложения.

Понятно, что **местоимения** в этих и подобных примерах **выполняют весьма важную связующую функцию**. Почему-то Шведова не обращает внимания на эту особенность прономинативов. Функциональную классификацию слов русского языка, предложенную Шведовой, можно перенести на анализ союзных образований типа *в результате того что, про причине того что* и т. д., в которых субстантивные компоненты сохраняют первичное значение. Эти субстантивы связываются с предыдущей частью текста через предлоги *в* и *по*, а с последующей частью – через местоименное образование *того что*. Но возникают вопросы: Есть ли связь между предложом и субстантивным компонентом “союза” (союзного слова)? А как связаны между собой субстантив и указательное местоимение *того*? На подобные вопросы мы не находим ответа у Шведовой.

В функциональной классификации Н.Ю. Шведовой вызывает возражение еще один момент. По

ее мнению, частицы, модальные слова и междометия являются собственно квалифицирующими. Такое понимание трех разрядов слов предполагает отрицание наличия квалифицирующей функции у имен прилагательных, существительных и других частей речи. Считаем, что квалифицирующую функцию последние выполняют гораздо сильнее, определеннее, чем частицы, модальные слова и междометия.

Класс местоименных слов имеет **некоторые особенности**, чем и он отличается от других классов и разрядов слов в языке.

Местоименные слова не обладают свойством называть предметы и явления действительности. Они не могут ничего именовать и давать названия вещам, живым существам, свойствам, действиям в окружающем мире.

Прономинативы не ассоциируются в мышлении человека с конкретными элементами, фрагментами и сторонами действительности, поэтому они не вызывают в нашем сознании представлений о реальных предметах и явлениях мира.

Содержание местоименных слов абстрактно-обобщительное, точнее – обобщительно-классифицирующее. Местоимения имплицитно делят объекты на обобщенные классы. Когда мы употребляем слово *я*, мы выделяем и обособляем себя как говорящего, противопоставляя всем другим людям как классу “не-я”. В вопросе *Что же теперь мне делать?* мысленно выделяется предвидимый круг проблем, задач, целей, действий, подлежащих решению и реализации, и содержится просьба к собеседнику уточнить этот круг, выделить в нем главное и предложить пути их решения. В афоризме Пролетарии всех стран, соединяйтесь! выделенное местоимение имеет обобщительный смысл, целиком охватывая страны мира и координируя свое значение со значением корневой морфемы императива (*един-*).

Всем прономинативам языка свойствен **эгоцентризм**, так как каждый из них так или иначе выражает видение и миропонимание субъекта речевого произведения, обычно называемого говорящим, пишущим или первым лицом.

Дихотомия “Я – не-я” имеет не только лингвистический смысл. Она возникла и сформулирована в философии. У истоков разработки этой дихотомии стоят прежде всего представители английского эмпиризма (Ф. Бэкон), рационализма (Р. Декарт), субъективного (И.Г. Фихте, Ф. Шеллинг и др.) и абсолютного (Г.В. Гегель) идеализма. В их трудах положено начало раскола всей действительности на “я” и “не-я”. “Я” есть носитель познавательного и волевого действия, “не-я” – это то, на что направлено это действие. “Я” есть

субъект, мыслящий, чувствующий и познающий мир, диктующий свою волю всему “не-я”, т. е. объекту и объективному миру. Познавательное начало в отношениях “Я – не-я” свойственно миропониманию Р. Декарта, а волевое начало – точке зрения И.Г. Фихте. Стремясь найти общее основание для духовного мира “я” и окружающего человека внешнего мира, Фихте ставит перед собой задачу вывести из “я” существование и все определения “не-я”.

“Я” для Фихте – это и конкретный индивид с присущей ему волей и мышлением и все человечество в целом. Индивидуальное “я” и абсолютное “я” осваивают окружающую среду, их волевые действия, то совпадают и отождествляются, то распадаются и различаются, но в целом стремятся к совпадению и, следовательно, достижению идеала. Однако достижение этого идеала полностью невозможно, ибо привело бы к прекращению деятельности “я”, что вообще невозможно [7, с. 125, 144–147].

Как бы ни оценивались критиками теоретические постулаты этих ученых о соотношении “Я – не-я”, отметим, что в их трудах заложены основы понимания взаимоотношения между субъектом и объектом восприятия, познания и осмысления действительности.

Принцип эгоцентризма в лингвистике восходит к общезыковедческим взглядам В. фон Гумбольдта. Он, в частности, писал: “Местоимения должны быть первичными в любом языке и... местоимение есть самая поздняя часть речи, абсолютно неверно. Представление о чисто грамматическом замещении имени местоимением подменяет в таком случае более глубокую языковую склонность. Изначальным, конечно, является личность самого говорящего, который находится в постоянном непосредственном соприкосновении с природой и не может не противопоставлять последней также и в языке своего “я”. Но само понятие “я” предполагает также и “ты”, а это противопоставление влечет за собой и возникновение третьего лица, которое, выходя из круга чувствующих и говорящих, распространяется и на неживые предметы. Лицо, в частности “я”, если отвлечься от конкретных признаков, находится во внешней связи с пространством и во внутренней связи с восприятием” [8, с. 113–114]. Из рассуждений В. фон Гумбольдта вытекают следующие выводы, важные для целей нашего исследования.

Местоименные слова первичны по отношению к другим классам слов. Они изначально передают постоянную непосредственную связь и соприкосновение говорящего с природой, с окружающим миром, противопоставляя производителя

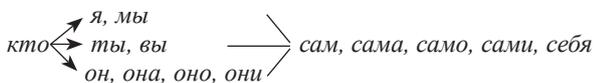
речи-мысли этой природе. Древний человек своим “я” противопоставляет себя участнику общения и, в свою очередь, вероятно, противопоставляет участников неучастникам общения и неживым предметам вообще. “Я”, таким образом, обобщая лицо говорящего и выступая в качестве его выразителя, передает внешнюю связь производителя речи с пространством и его внутреннюю связь с восприятием окружающего мира.

Эгоцентризм местоимений особо подчеркнул А.М. Пешковский в своей монографии “Русский синтаксис в научном освещении”. По его мысли, в языке важную роль играют субъективно-объективные категории, которые выражают различные **отношения говорящего и мыслящего к тому, о чем он говорит и мыслит**. К такого рода категориям он относит категории времени, наклонения, лица, вопроса, восклицания, сообщения, отрицания, утверждения, усиления, вводности. Местоименные слова являются одним из основных средств выражения категорий отношения говорящего к предмету речи-мысли. Однако в сравнении с другими грамматическими средствами языка местоименный способ передачи смыслограмматической информации характеризуется ярким своеобразием. “Местоимения, – пишет А.М. Пешковский, – представляют собой такую **единственную в языке и совершенно парадоксальную** в грамматическом отношении группу слов, в которой неграмматические части слов (корни) имеют именно это субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит... Все местоименные слова образуют семантическую сферу, центром которой является местоимение я; это сфера “яйности” в языке” [9, с. 63]. Таким образом, Пешковский вводит образное понятие “яйности” для передачи эгоцентрической семантики прономинальной парадигмы в языке. В данном случае в понятие говорящего вкладывается широкий смысл. Пешковский представляет “я” (“яйность”) не только **производителем и субъектом речи, но и субъектом мышления и познания** предметов и явлений реальности.

Дальнейшее развитие идеи эгоцентризма привело к определению говорящего не только в качестве субъекта мысли-речи, но и в качестве субъекта созерцания, восприятия, представления и оценки предметов, явлений и свойств окружающего мира в координатах “Я – не-я”, “близкое – далекое”, “определенное – неопределенное”, “известное – неизвестное” и т. д., составляющих содержание понятия пространства-времени в его сознании. В этом отношении заслуживают внимания мысли философа Б. Рассела, который

писал в своей книге “Человеческое познание. Его сфера и границы”: “Я называю “эгоцентрическими словами” те слова, значение которых изменяется с переменной говорящего и его положения во времени и пространстве. Четырьмя основными словами этого рода являются “я”, “это”, “здесь” и “теперь”. Слово “теперь” каждый раз, когда я употребляю, обозначает какой-либо отдельный момент из серии следующих друг за другом моментов времени; слово “здесь” обозначает какую-либо отдельную область пространства, в которой “я” обозначает любое лицо, в зависимости от того, кто его произносит” [7, с. 119]. Как видим, Б. Рассел рассматривает эгоцентризм в отношениях производителя речевых сообщений к координатам пространства и времени в отдельности. Однако исследователь не отрицает возможности определения позиции говорящего относительно пространства-времени в синхронности и целостности, что явно выражается в тех случаях, когда речевая ситуация требует одновременного учета обеих форм бытия и существования.

Говоря о смысле прономинатива *кто*, Шведова пишет о явлении “человекоцентризм”. Она пишет, что “человекоцентризм” в языке и в условиях речевого общения проявляется не только в том, что для смысла *кто* языком создана самая полная и точная система местоимений, заполняющих сегмент определенности, но также и в том, что этот смысл активно проникает в другие смысловые сферы, демонстрируя способность означать не только живое существо (одушевленное или одушевляемое), но и многие другие первичные смыслы либо их контаминации” [5, с. 39]. В данном утверждении справедливо отмечается значимость и значительность в языке того круга местоименных слов, которые созданы для смысла *кто* и которые относят означаемое к определенному лицу, отражая понятийную триаду “лицо, воспринимающее все вокруг – лицо, ему непосредственно противостоящее – любое лицо, им обоим противостоящее и ими воспринимаемое”. Ср.:

Шведова не совсем права в том, что она признает “человекоцентризм” в качестве семантической основы грамматических парадигм, включающих в себя морфемы и лексемы лица. Мы же считаем, что **эгоцентризм есть общее свойство лично-прономинальных единиц и категорий языка**. Последние входят в “человекоцентризм” не прямо, а через эгоцентризм, поскольку они обо-

значают реальные предметы с позиции говорящего. Даже смыслы слова *кто* и его производных *кто-то*, *некто*, *кто-либо*, *кое-кто* и др., их определенность (*Я знаю, кто ты такой*) и неопределенность (*Кто стучит? Кто-то идет и т. д.*) отражают знания, опыт, видение того, кто производит речь.

На каком же основании эгоцентризм может быть понят как **инвариантное значение** прономинальных единиц языка?

Эгоцентризм есть идеальное понятие, идеальный объект. Идеальные объекты невозможно созерцать. Нельзя “видеть время и обонять пространство” (Ф. Энгельс). Эгоцентризм отражает то общее, что существует в каждом местоимении, в каждой его группе, разряде или единице. Эгоцентризм есть общее, существующее и проявляемое в каждой местоименной корневой морфеме, в каждом слове или фразеологизме.

Эгоцентризм как смыслово-языковое понятие реально существует в виде класса своих вариантов подобно тому, как “человек вообще” существует в виде каждого отдельного человека. Это понятие нужно для описания и классификации многообразия прономинальных единиц языка как их общее, обобщающее наименование.

В качестве конструкта, который воплощает в себе инвариантные свойства всех подклассов местоименных слов и морфем, понятие эгоцентризма не может быть продемонстрировано с помощью отдельных примеров. Потому что каждый пример двусторонен: он несет в себе и инвариантные свойства, и особенные черты. Одной своей стороной каждый прономинатив входит в понятие эгоцентризма, а другой своей стороной и в пределах инвариантного смысла он выступает в качестве отдельной единицы со своим индивидуальным смыслом, предназначением и местом в языке.

Понятие эгоцентризма не может быть раскрыто, показано или понято вне отдельных единиц, в совокупности образующих поле местоименное - *ти*. Поэтому важно, чтобы каждая отдельная единица в рамках своего инвариантного содержания выступала как его вариант. Однако часто **варианту приписываются свойства его инварианта**.

Известно, что местоимения *кто* и *что* обладают обобщающим смыслом. На этом основании их значение нередко универсализуется и определяется как общее по отношению к семантике субстантивных лексем. То же самое можно говорить о киргизских местоимениях *ким* “кто” и *змне* “что”. Эти местоимения противопоставлены друг другу лексически-семантически: в русском языке их денотаты отличаются друг от друга

по признаку одушевленности/неодушевленности, а в киргизском – по признаку разделения денотатов на людей и нелюдей.

Разделение денотатов на людей и не-людей свойственно не только киргизскому, но и другим тюркским языкам. В связи с предметным содержанием местоимений *кто* и *что* в языке интересные соображения высказывает А. С. Чикобава: “Категория предметности является категорией не морфологической, не лексической, а семантической.

Наличие этой категории становится осязаемым, когда в языках обнаруживаются неожиданные расхождения. Так, например, вопросами *кто?*, *что?* исчерпывается круг понятий, характеризующих предметность.

Однако сфера *кого?* и *чего?* в разных языках может не совпадать. Так, например, в грузинском языке (так же, как и в абхазском, адыгейском, чеченском, аварском, лакском, даргинском, лезгинском, вообще во всех иберийско-кавказских языках) вопрос *кто?* может относиться только к человеку. Все остальное, в частности мир животных, включается в категорию *что?*... Животные относятся к грамматическому классу вещей” [10, с. 61]. В данном высказывании ученого подчеркивается роль вопросов *кто?* и *что?* в дифференциации денотатов, в их противопоставлении по признаку “люди-нелюди” и отмечается их распространенность. Возможно, по этой причине вопросная методика широко распространена в школьном преподавании языка. В школе эти два местоимения используются в качестве заместителей и эквивалентов всех имен существительных в различных сферах их употребления.

И в теории некоторые исследователи языка особо отмечают значимость этих лексем в системе языка. Как пишет Н.Ю. Шведова, “местоименные кто занимает главное место в строе местоименных исходов. Это объясняется тем, что оно означает не просто одно из глобальных понятий бытия, но существо одушевленное и прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир и установившиеся в нем связи, отношения и зависимости” [5, с. 53]. В данном утверждении есть два момента, вызывающих возражение. Во-первых, в нем говорится, что местоимение *кто* “означает... одно из глобальных понятий бытия”. Мы сомневаемся в том, что это слово выражает понятие, если учесть, что понятием называют форму мышления, отражающую наиболее общие, необходимые и существенные свойства предметов и явлений действительности. Понятие есть множество таких свойств, сформулированных в мышлении. Слово *кто* не имеет по-

нятийного содержания и его не выражает. В слове *кто* явно выражено видение производителя речи – известность – неизвестность ему денотата, с которым он соотносит данное местоимение. Вторых, в данном утверждении, правда, на втором плане содержится скрытое признание “ясности” местоимения *кто*, означающего “прежде всего человека, ставящего себя в центр всего окружающего, познающего мир”. Но опять-таки не совсем понятно, о каком человеке идет речь – о человеке-денотате местоимения *кто* или о человеке “вопросающем” о денотате местоимения.

Точно так же подчеркивается глобальность смысла местоимения *что* “как исхода, возглавляющего собственную дейктическую систему”, которое “означает любую сущность, данность, не являющуюся существом одушевленным... Спектр сущностей, означаемых местоимением *что*, весьма широк; это может быть все, что непосредственно воспринимается физически и осмысливается умственно либо духовно, все, что оказывается в поле зрения человека как существа воспринимающего, мыслящего и чувствующего: собственно предмет, вещь или совокупность предметов, понятие, состояние, свойство, чувство, мысль, сообщение, явление, событие, ситуация или целое “бытийное пространство”, срез жизни, бытия, отрезок действительности” [5, с. 67–68]. В данном определении сущности прономинатива *что* роль субъективно-эмоциональных и личностно-мыслительных начал подчеркивается сильнее, чем в характеристике *кто*. Шведова вплотную подходит к тому пониманию местоименного смысла, которое представляет А.М. Пешковский. Отнеся высказанное по поводу сущности прономинатива *кто* к данному утверждению Шведовой, отметим, что если глобальность смыслового содержания слов *кто* и *что* является свойством их исходности, то исходными в языке могли быть не эти прономинативы, а те, которые не ограничивают объекты по признакам “человек-нечеловек”, “живое-неживое”. А в языке существуют местоименные слова с макросмыслом, которые обобщают и включают в себя смыслы *кто* и *что*. Таких слов немало. Возьмем, к примеру, слово *все*. Его смысл покрывает все, что есть в реальности или мыслится как реальное. Ср., например: **Все познается в сравнении.** В этом афоризме под содержание выделенного слова подводятся все живое и неживое, человек и человечество, весь органический и неорганический мир, материальное и идеальное, движение и состояние, реальное и нереальное, конечное и бесконечное, единичное и всеобщее и т. д.

Мы считаем, что потенциальный смысл всеохватности, содержащийся в данном местоимении, приобретает конкретное содержание и значение в соответствии с тем, с каким денотатом соотносит его производитель речи-мысли [11, с. 5–12]. Иными словами, значение данной лексемы динамичное и определяется относительно денотата. Всеохватность есть общее значение лексемы все, а не всех местоимений. Минимальное значение лексемы соотносится с одним каким-нибудь случаем или предметом (*Возьми 5 рублей. Это все, что есть у меня*). Это говорит о том, что **смысл местоимения определяет производитель речи**, соотнося его с тем или иным предметом, с группой предметов или со всей действительностью. На этом основании считаем представлением и позицию говорящего главными и решающими в употреблении и семантическом обеспечении местоименных слов [12].

Вышеизложенное позволяет сделать несколько общих выводов.

1. В пространственно-временной оси наименований объективного мира местоименные слова образуют эгоцентрическое поле, являющееся исходным в диахроническом плане и центральным в плане синхронии.
2. Ядро местоименной семантики заключено в дихотомии “Я – не-я”. Центр любого высказывания есть отправитель информации, которого называют по-разному – то первым лицом, то говорящим, то производителем речи и т.д. Все прономинативы эгоцентричны.
3. Язык отражает и именуется мир через призму говорящего. Именно “Я” находится в центре коммуникации. “Я” есть начало и исходный пункт речевого общения.
4. Эгоцентризм есть категориальное значение всех прономинативов языка. Этим свойством они отличаются от других классов лексем в языке. Как известно, категориальное значение имен существительных – предметность, прилагательных – качественность (признаковость), глагола – процессуальность, числительных – количественность, наречий – ад-

вербиальность. Мы возражаем против укоренившегося мнения о том, что местоимения обладают категориальными значениями других частей речи, не имея собственного.

Литература

1. Атакулова М.А. Эгоцентризм как категориальное значение лично-прономинальной парадигмы в языке / М.А. Атакулова. Бишкек, 2008. 193 с.
2. Атакулова М.А. Инвариантное в прономинальной парадигме языка / М.А. Атакулова. Бишкек, 2010. 260 с.
3. Сидоренко Е.Н. Очерки по теории местоимений в современном русском языке / Е.Н. Сидоренко. Киев; Одесса, 1990. 148 с.
4. Шелякин М. Русские местоимения / М. Шелякин. Тарту, 1986.
5. Шведова Н.Ю. Местоимения и смысл / Н.Ю. Шведова. М., 1999. 203 с.
6. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи / О.Н. Селиверстова. М., 1988. 151 с.
7. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел. М., 1857. 317 с.
8. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт. М., 1984. 511 с.
9. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. М., 1956. 510 с.
10. Чикобава А.С. Части речи как понятие филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа / А.С. Чикобава // Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
11. Гатина А.Э. Нелинейные свойства речи в контексте ее современного использования / А.Э. Гатина, А.О. Орусбаев // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 3. С. 5–12.
12. Зулпукаров К.З. Ностратические личные местоимения: реконструкция праосновы и образование форм неединственного числа / К.З. Зулпукаров, А.К. Зулпукарова // Государственный язык: проблемы изучения и исследования. Часть II. Ош, 1996. С. 71–78.